

## *Идеал попечительства — граф Северин Потоцкий*

29 января 1830 года газета «Одесский вестник» писала о недавних событиях: «Тело его было привезено в Севериновку в тот самый день, когда дворянство здешнего уезда собралось туда для выборов. Председатель оногo г. Крамида, г. Генералы Кобле, Нилус, Курис и более 60-ти человек дворян вышли навстречу праху покойника и провожали оный до церкви. В тот же день прибыл из Парижа сын покойника Лев Северинович Потоцкий. На другой день происходило погребение и тело было несено дворянством, признательным к покойнику за покровительство, которое он всегда оказывал здешнему краю» [9, с. 44].

По-видимому слова «покровительство», «покровитель» как никому другому подходят Северину Потоцкому — дворянину, представителю древнего аристократического рода, действительному тайному советнику, сенатору.

Как известно, в ходе боев за Харьков (1941–1943 гг.) погибло много архивных документов, документы Харьковского университета, в том числе — документы канцелярии попечителя Харьковского учебного округа. Но в Государственном архиве Харьковской области сохранились некоторые документы, связанные с Северином Потоцким [5].

Архивные дела о графском достоинстве Потоцких хранятся в Российском Государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге в фонде Департамента Герольдии Правительствующего Сената. Фонд 1343, опись 64 (Титулованное дворянство) содержит 11 дел о графском достоинстве Потоцких: №№ 2362 за 1855 г., 2363 за 1856 г., 2364 за 1893 г., 2365 за 1894 г., 2366 за 1903 г., 2367 за 1906 г., 2368 за 1909 г., 2369 за 1913 г., 2370 за 1911 г., 2371 за 1913 г., 2372 за 1915 год.

Хранятся материалы о Северине Потоцком и в Национальной библиотеке Польши (Biblioteka Narodowa. IV.7778. Materiały do działalności Seweryna Potockiego. Ros. XX w. 36 23 cm. K.22).

Нам хотелось собрать наиболее важные сведения о первом попечителе Харьковского учебного округа в единое целое и получить живую и подробную картину жизни этого человека.

В «Русском биографическом словаре» за 1905 год была опубликована большая статья А. Петрова и Строева о С. Потоцком [10]. В мону-

ментальной работе Д. И. Багаля о Харьковском университете имя попечителя упоминается много раз [1]. Багалей имел намерение написать биографию первого попечителя и даже начинал собирать материалы о нем. С большим уважением писал о попечителе Потоцком в 1911 году Людвик Яновский, посвятив ему всю третью главу своей монографии: «Харківський університет народився під щасливою зіркою, тому, що потрапив під керівництво куратора Северина Потоцкого, діяча з величезними заслугами. Ця масштабна постать незнайома нашому суспільству: досить сказати, що навіть його ім'я не згадується у великій Енциклопедії Оргельбранда» [17, с. 53].

Профессор Харьковского университета, первый директор педагогического института при Харьковском университете Кристофор Дитрих Роммель в мемуарах о Харькове назвал Потоцкого добрым гением Харьковского университета [13].

Михаил Иванович Сухомлинов, историк, академик Петербургской академии наук в «Материалах для истории образования в России в царствование Александра I», написанных в 1865 году, считал его «идеалом попечителя» [15].

В наше время, пройдя по страницам Интернета ни в коем случае нельзя сказать, что имя Северина Потоцкого забыто, так как в крупнейших поисковых системах оно упоминается сотни раз. Это ссылки на страницы из исторических статей, повествующих об общественных деятелях и отдельных событиях той эпохи.

Но, например, в электронной библиографической базе Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) [www.inion.ru](http://www.inion.ru), которая ведется с 1980 года и массив которой составляет более 3-х миллионов записей, а база статей по истории — около 400 тыс. записей, статей о Северине Потоцком не обнаружено.

В 2000 году в серии «Харьковский биографический словарь» вышла книга, написанная преподавателями Харьковского университета доцентом Борисом Петровичем Зайцевым и профессором Сергеем Ивановичем Посоховым «Попечители Харьковского учебного округа» [7], где первая статья посвящена Северину Потоцкому.

В декабре 2004 года в Харьковской газете «Ключок правды» появилась статья этих же авторов «Попечитель», в предисловии которой написано: «...Право жаль, что чрезвычайно яркая фигура графа Северина Потоцкого как бы притаилась в тени его великого соратника — Василия Каразина. Так уж получилось...» И далее: «...Что же знают сегодня обычные харьковчане о ясновельможном, разве что вспомнят Севериновку,

вокруг которой разворачивается действие в известном фильме «Зеленый фургон» [8].

Харьков и Харьковский университет должны знать и помнить имя С. Потоцкого, особенно сегодня, когда отмечалось 200-летие университета, в котором он 14 лет был попечителем.

Но все по порядку.

В Польше было шесть ветвей рода Потоцких — эти сведения находим в «Российской Родословной книге», изданной князем Петром Долгоруким в Санкт-Петербурге в 1856 году [6, с. 224–236].

1. Герб Любич;
2. Герб Остоя;
3. Герб Пилав;
4. Герб Сренявы;
5. Герб Шелига;
6. Герб Янины.

Из этих шести ветвей самая древняя, самая знаменитая в истории — это Потоцкие герба ПИЛАВЫ.

Девиз рода звучит так: «Scutum opponebat scuto», что дословно переводится как «Щит противостоит щиту» [18, с. 729]. Имеется в виду большой щит, с которым стояли римляне впереди всего легиона и первыми принимали на себя удар, закрывали собой войско. Это означало, что род Потоцких всегда будет впереди и первым отразит атаку противника. Девиз рода с 1448 года еще и «Ad pietatem proni» — «С милостью к склонившимся».

Герб рода выглядит следующим образом: на голубом поле два серебряных креста один над другим и друг к другу прислоненные. На щите изображены также дворянские шлем и корона с пятью страусовыми перьями и серебряный с голубым шатер [19, 302].

Родоначальник рода Потоцких Александр Сулиславов сын, живший около 1300 года, первым стал писать свою фамилию «Потоцкий» — от имени своей вотчины Потока (z Potoka Potocki).

В этом роду было четыре великих гетмана, 23 воеводы, пятеро Потоцких были награждены в XVIII веке Андреевским орденом, то есть — полностью подтвердили свой девиз.

17 колен рода Потоцких описаны князем Долгоруким. В 15-е колено входит граф Северин Потоцкий, сын Юзефа (Иосифа в транскрипции Долгорукова), или, как его стали называть в России, Северин Осипович Потоцкий (1762–1829).

Северин Потоцкий происходил из старшей ветви графов Потоцких герба Пишава и был сыном коронного кравчего Юзефа Потоцкого (крав-

чий — придворный чин Московского государства; в кравчии назначались члены наиболее знатных семей). Мать Северина — Тереза, урожденная графиня Оссолинская. Родился он в 1762 году. В детском возрасте был отправлен вместе с братом Яном, впоследствии известным ученым, археологом, писателем, путешественником, для получения образования в Женеву и Лозанну, где и провел все юношеские годы.

С 1793 года Северин Потоцкий жил в Петербурге, где близко сошелся с цесаревичем Александром Павловичем (будущим императором). С приходом к власти Павла I Потоцкий стал камергером при наследнике престола, но уже в 1799 году был отстранен от должности в связи с несогласием с проводимой политикой.

После прихода к власти Александра I, Потоцкий 4 июня 1801 года произведен в тайные советники с повелением присутствовать в третьем департаменте Правительствующего Сената. В 1802 его назначают членом комиссии училищ Министерства народного образования.

24 января 1803 года вышло Высочайшее постановление об учреждении учебных округов. Согласно ему [14, с. 22] попечителями университетов и округов стали:

Московского — тайный советник, товарищ министра просвещения Михаил Никитович Муравьев (1757–1807);

Виленского — тайный советник, товарищ министра иностранных дел князь Адам Ежи Чарторьжский (1770–1861);

Дерптского — генерал-майор Фридрих Максимилиан Клингер (1752–1831);

Харьковского — тайный советник, граф Северин Потоцкий (1762–1829).

Казанского — граф Мантейфлю;

Санкт-Петербургского — действительный камергер Н. Н. Новосильцев.

Что же это были за люди, на которых была возложена важнейшая задача — дело просвещения России?

Граф Муравьев, учитель императора Александра I, был ученым и литератором, поддерживал связи с учеными Германии. «Страсть к наукам, — пишет Багалеи, — у него равнялась только страсти к добродетели». «Свобода и образование составляют главный фундамент, на котором создается благосостояние народа», — так думал Муравьев.

Князь А. Чарторьжский также был ярким поборником свободы и просвещения. В 1804–1806 он — министр иностранных дел России. После Польского восстания 1830 г. Чарторьжский стал президентом Сената и национального правительства Польши.

Ф. М. Клингер представлял на высочайшее рассмотрение проект об учреждении во всех селениях Российской империи всеобщего обучения.

Министр народного просвещения граф П. В. Завадовский (1739–1812), хотя и считался немного ленивым, прежде всего был образованным и умным человеком («умная украинская голова» — так называли его современники).

Все они были либералами, каких множество появилось в начале царствования Александра I, и приверженцами французского рационализма с его постулатом об образовании и «просвещении» как исходных двигателях совершенствования общества, и имели между собой много общего. Адам Чарторьжский в мемуарах пишет: «Император назначил попечителями лиц, подававших надежду, что дело образования не останется лишь на бумаге, но что оно усердно и с успехом будет двинуто вперед. Северин Потоцкий был близок к Александру, восторгался его качествами и долго считал его своим кумиром. В качестве попечителя он с усердием и настойчивостью занимался своим университетом, пригласил в него известных ученых и часто объезжал вверенные ему провинции» [16, с. 228].

Харьковский округ составляли следующие губернии: Слободско-Украинская, Орловская, Воронежская, Курская, Черниговская, Полтавская, Николаевская, Таврическая, Екатеринославская и земли Донских и Черноморских казаков. Багалеи отмечал: «...Университет был центром управления всех школ в округе; от него прямо и непосредственно зависела масса лиц педагогического персонала; но и кроме этой зависимости, вообще тогда была несравненно большая связь между высшей, средней и низшей школой... в то время они были органически связаны друг с другом и представляли только три ступени в одной иерархии...» [1, с. 657].

Семейные дела Потоцкого складываются таким образом, что он вынужден уехать за границу: в Вене умирает его отец, и исполнение своей должности Потоцкий поручает попечителю Петербургского округа, президенту Академии наук графу Николаю Николаевичу Новосильцеву.

Судьба университета волнует Потоцкого, и перед отъездом он поручает профессору Илье Ивановичу Тимковскому и Василию Назаровичу Каразину заботиться о скорейшем открытии университета. И если Тимковский должен был заниматься делами училищ и устройством университета, то Каразин — только университетом.

Потоцкий дает Каразину письмо, в котором поручает «принять всевозможные меры касательно первоначального устройства Харьковско-

го университета». Он предоставляет Каразину широкие полномочия как доверенной особе попечителя. Багалеи пишет, «... что такие полномочия объясняются, конечно, тем, что Каразин, во-первых, в это время занимал важный пост правителя дел Главного правления училищ, которое ведало тогда почти всеми делами Министерства народного просвещения, а во-вторых, его руководящей ролью в деле основания Харьковского университета» [1, с. 138].

Каразин едет в Петербург, занимается устройством университета, покупает книги для библиотеки, оборудование для университета. Потоцкий будет заниматься приглашением профессоров и приемом студентов.

11 апреля 1803 года перед отъездом из России Потоцкий напишет Каразину: «Благодарю Вас за все принятые Вами заботы... Нет... ни малейшего сомнения, что дворянство и граждане Слободской Украинской губернии, как теперь, так и в пребудущее время с одинаковым соревнованием соответствовать будут благоволению к ним Государя Императора, и не замешкают свои приношения составить в общую сумму, которую предполагаю я употребить сколько можно более на предметы казистые и пребывающие, чтобы они всегда свидетельствовали, всегда напоминали потомству о сем отличном и примерном для других подвиге ко благу своего края и своего отечества, как-то: на новые здания, ботанический сад, разные кабинеты и тому подобное, также и на содержание бедных студентов... Усугубить мои попечения (об университете) с живейшею преданностью смотреть на его успехи возрастающие, побуждаюсь» [1, с. 143–144].

Хотя некоторые историки упрекали Потоцкого, что он, несмотря на свою кипучую деятельность, чаще бывал в Польше и за границей, чем в Харькове, академик Сухомлинов пишет, что Устав не требовал постоянного присутствия попечителя в университетском городе, а Потоцкий не забывал университет, живя за границей.

В марте 1804 года Потоцкий возвращается в Харьков и вступает в свои права попечителя. Для ускорения дел по открытию университета он учреждает комитет состоящий из профессоров И. С. Рижского, И. Ф. Тимковского, Ф. А. Делявина, Я. Я. Беллена де Баллю, Т. Ф. Осиповского. Председателем комитета назначает И. С. Рижского.

Комитет начал тщательно заниматься делами по устройству университета, они стали вестись строго и организовано: члены комитета занимались покупкой земель для будущих построек, зданиями, устройством аудиторий, доставкой книг и оборудования, ботаническим садом и типографией, а также — составлением списков профессоров, приемом

студентов, подготовкой к торжественному открытию университета [14, с. 254–261].

Потоцкий осматривает вместе с губернатором Бахтиным землю, на которой предполагает разместить университетские здания. Участок, который ранее присмотрели Каразин и Тимковский, находился в предместье города, к северу, по дороге ведущий в Сумы. Это были поля, уступленные университету безвозмездно или по недорогой цене. Может быть, именно личности графа, его такту, университет обязан приобретением земель, которые составляют его основной земельный фонд, отметит через сто лет Д. И. Багалеи. «Потоцкий рассчитывал на этом месте строить новые здания для университета — и его выбор нельзя не признать чрезвычайно удачным. Вообще следует заметить, что назначение на пост попечителя такого сановного, родовитого вельможи, с независимыми средствами и убеждениями, как Потоцкий, имело огромное значение для вновь учреждаемого университета — оно возвышало его в глазах начальства и всего местного общества» [1, с. 209]. Дворянство, купечество, духовенство, горожане жертвовали средства на создание университета. Графиня Варвара Подгоричани в своем письме на имя Северина Потоцкого 14 апреля 1804 года пишет: «...земля моя, лежащая близ города Харькова, за кантемировским садом, может быть для университета нужною, ежели место для строения его избрано будет в той части; вследствие чего честь имею уведомить Ваше превосходительство, ежели действительно земля сия для университета будет надобна, то я с великим удовольствием в пользу одного ее отдаю без всякого удовлетворения. Мне весьма приятно, что при сем имею случай засвидетельствовать Вашему сиятельству отличное мое к Вам почтение и преданность, с которым честь имею быть» [1, с. 130–131].

Потоцкий приобретает и так называемый Кантемировский сад, на месте которого потом возник Университетский сад. Этот сад, особенно та часть, которая носила название «английской», и которой Потоцкий уделял особое внимание, имела для города большое значение. «Своими заботами о насаждении сада граф... поднял ценность и значение этих пустопорожних земель и привел часть их в то культурное состояние, которое сделалось залогом их нынешнего цветущего состояния... Всякий считает вполне естественным, что, при полном почти отсутствии в Харькове общественных садов, излюбленным местом для публики является университетский сад,» — писал Д. И. Багалеи [1, с. 447].

В 1803 году в Харьков прибыл профессор ботаники Ф. А. Делявин (де Лавинье), весной 1804 года он начал заниматься устройством Ботанического сада. 24 сентября 1804 года из Вены приехал садовник Цетлер,

которого выписал Потоцкий. Цетлера назначают главным садовником. Начинает создаваться большая оранжерея. По плану Потоцкого в ботаническом саду совершались посадки редких саженцев. В 1805 году в саду было уже 1000 растений разных видов.

Основание нумизматической коллекции университета также было положено пожертвованием Северина Потоцкого, подарившего мюнц-кабинету 840 медалей (820 серебряных и 20 золотых) из них 533 древних и 307 новых. В 1806 году он присылает из Крыма три старинные монеты времен Владимира Святославовича и 106 древнегреческих монет. Заботами попечителя нумизматический кабинет считался одним из лучших в России. А коллекция минералов, пожертвованная Потоцким, стала основой для минералогического кабинета.

Типография Харьковского университета работала не только для самого университета и города, но и для всего округа. Огромное значение имело то обстоятельство, что университету принадлежало право цензуры не только произведений своих преподавателей, но и всех изданий, выходивших в пределах Харьковского учебного округа. Потоцкий считал очень важной задачей издание трудов профессоров: «...большая часть наших учебных книг, выходя из рук ученых наших соотечественников, не будут уже иноземными плодами, привезенными в Россию» [1, с. 602].

Потоцкий покупает книги для библиотеки и дарит их ей. Им передано в библиотеку 1695 книг. В 1803 году в Польше, в Кракове, он встречается с видным общественным деятелем, инспектором Виленского учебного округа Тадеушем Чацким (1765–1813), с которым дружил и договаривался о подборе профессоров для Харьковского университета. Библиотека университета хранит в своем фонде книгу, напоминающую о визите Потоцкого в Краков. На книге есть автограф попечителя на латыни «*Северин Потоцкий, Краков, 20 июня, 1803*».

Это — библиографическая редкость, изданный в конце XVII века знаменитый дневник Корба, секретаря посольства, отправленного австрийским королем Леопольдом I в Россию к Петру I в 1698 году. Посольство прибыло в Москву во время стрелецкой казни. Корб вел дневник, где подробно описал все события этого времени. Дневник сопровождаются детальнейшие гравюры, изображающие кровавую расправу. Книга была издана в Вене, и, по требованию возмущенного Петра, вскоре почти весь тираж был уничтожен. Где либерал Потоцкий нашел, купил или получил в подарок эту книгу — загадка, но то, что он подарил ее университету — факт.

Потоцкий положил начало и фехтовальному классу университета. Студентов пытались даже обучать верховой езде. Манеж предполагали

выстроить в университетском саду, и Потоцкий писал Правлению: «Так как сие заведение может быть полезно для молодых дворян здешней губернии, желающих посвятить себя военной службе, и вообще вызывать большую привязанность дворян к университету, то он полагал бы возможным употребить из университетских сумм от 1000 до 15000 руб., но под тем неперемennым условием, чтобы предварительно убедились в готовности дворян отдать своих детей для обучения в это заведение» [1, с. 450].

Так провинциальном городе возникает университет с европейскими традициями. И уже в 1824 году «Украинский журнал» напишет о Харькове 20-х годов XIX столетия: «Это столица всей южной Европейской России».

17(30) января 1805 года, в день торжественного открытия университета, Потоцкий выступит с речью на латыни «О новом учебном устройстве Российской империи и пользе, которую оно несет с собой» [11]. Речь эта будет через год издана в типографии Харьковского университета.

Попечитель был ярким приверженцем новой системы школ и их широкого распространения. Он считал, что целью создания школ является получение всеми жителями страны образования, а вновь созданные университеты должны быть такими, как Оксфорд и Кембридж, Геттингенский и Йенский университеты.

«Ничего не остается более всякому народу, как употребить все силы, дабы следовать за другими. Остановиться есть то же, что подаваться назад, и приближаться к прежнему ничтожеству. Ежели сие когда позволительно, то разве только в отношении к завоеваниям, которым справедливость или государственные виды могут наконец где-нибудь положить пределы. Но таковое прекращение деятельности никогда не вместино в рассуждении наук, изящных художеств, воинского искусства, мореходства, ремесел, торговой промышленности и земледелия,» — говорил Потоцкий в 1805 году [11, с. 14–15].

Речь его с 1806 года больше не публиковалась, хотя отдельные цитаты из нее приводились в разных статьях. К этой статье мы прилагаем полный текст его речи на латыни и перевод ее на русский язык, сделанный в 1806 году.

Главное внимание при устройстве университета Потоцкий уделил набору студентов и приглашению профессоров. Он стремился привлечь в Харьков выдающихся людей России и Западной Европы, приглашал даже Н. М. Карамзина и Августа Вольфа. И в составе профессоров, работавших в университете уже в первые годы после его создания, было немало выдающихся ученых.

Не только Харьков знакомился с Европой, но и Западная Европа знакомилась с городом Харьковом через университет, будет вспоминать профессор Роммель. Главным способом формирования профессорской коллегии было приглашение иностранных профессоров в Харьков из-за границы. Благодаря Гете, который рекомендовал Северину Потоцкому преподавателей, в Харьков приехал знаменитый философ Й. Шад. Кроме Шада в Харьков прибыли медик В. Дрейсиг, ветеринар Ф. Пильгер, ботаник Ф. Делявинь, историк А. Дюгур, юристы Л. Якоб, Ф. Швейкарт, химик Ф. Гизе, астроном Й. Гут, профессора классической филологии Я. Беллен-де Баллю и К. Роммель. Из 47 преподавателей 29 было иностранного происхождения. «И нужно сознаться — пишет Багалей, — что профессора иностранного происхождения оказали значительную пользу университету; они привнесли с собой хорошие академические традиции старых западных университетов; они знакомили учащуюся молодежь и с наукою, и практически с новыми языками, на которых читали лекции... Учащаяся молодежь и отчасти харьковское общество, не выезжая из Харькова за границу, получили возможность познакомиться в лице этих деятелей с носителями западноевропейской культуры» [4, с. 250–579]. Роммель позднее напишет, что один из государственных чиновников сам не переставал удивляться тому, что он поехал не в Париж, а в Харьков.

Благодаря энергии Потоцкого некоторые кафедры Харьковского университета были заняты лицами выдающимися учеными.

Самой важной заслугой Потоцкого в деле устройства университета, считал Л. Яновский, был удачный подбор педагогических кадров, которые составили фундамент научной школы.

Попечитель заботится о быте профессоров и адъюнктов. Просит императора помочь тем профессорам, которые не имеют университетских квартир, докладывает императору, что цены на все в Харькове выросли, и наем квартир требует больших издержек: «Доколе все они не будут помещены в университетских зданиях, выдавать квартирные деньги первым по 500, а последним по 200 рублей ежегодно». Александр I утвердил прошение в декабре 1805 года [14, с. 282].

Забываясь о привлечении студентов, еще до открытия университета, в 1804 году, попечитель отправляет ходатайство к министру о разрешении семинаристам учиться в университете: «19 апреля я имел честь доложить Вашему сиятельству, что принял всезависящие со стороны моей меры для скорейшего открытия университета, которое, вероятно, и воспоследует в августе месяце сего года. К этому времени придут все приглашенные мною профессора. Они немедленно могли бы на-

чать свои лекции, но единое встречается в том неудобство — недостаточное число университетских слушателей... незнание латинского языка, который был совершенно оставлен... в училищах, является главнейшею препоною умножить ими на первый случай число университетских слушателей, ибо иностранные профессора, не знающие русского языка, могут преподавать лекции только по латыни. Таковых молодых людей, имеющих достаточное познание в этом языке, могут ныне доставить семинарии. Посему покорнейше испрашиваю ходатайства Вашего сиятельства об истребовании в университет на казенное содержание 30 семинаристов, подготовленных к слушанию университетских лекций; ходатайство это послужит к скорейшему открытию университета и образованию из этих семинаристов педагогического института, без которого... ни гимназии, ни уездные училища существовать не могут» [1, с. 699]. Ходатайство было удовлетворено, Святейшему Синоду была объявлена Высочайшая воля о разрешении семинаристам обучаться в Харьковском университете.

Потоцкий убеждает помещиков отдавать детей для обучения в университет, поручает Тимковскому не упускать ни единого случая и «применять все возможные убеждения» для того, чтобы местные обыватели посылали детей приобретать знания в высших науках «полезных для всех родов государственной службы». И. Ф. Тимковский с успехом выполняет возложенную на него миссию.

В 1805 году, в первый год существования университета в нем училось 57 студентов. В 1812 году их уже было 118.

Потоцкий придает большое значение количеству студентов и считает, что от числа учащихся зависит репутация университета. Об этом он напишет письмо Рижскому в октябре 1805 года. Попечитель входит в Главное правление училищ с ходатайством о беспрепятственном приеме в университет купеческих детей, так как им требовалось дополнительное разрешение на выход из податного состояния. Потоцкий сперва получил отказ, и только в ноябре 1810 года был издан указ относительно студентов податного сословия.

Он внимательно наблюдает за деятельностью органов университетского самоуправления, следит за тем, чтобы не было нарушений в университетском Уставе, «не нарушалась справедливость». Он «разрешал возникшие недоразумения, поддерживал отношения с местным обществом и был авторитетным и благожелательным истолкователем нужд и потребностей университета перед министерством, хранителем и защитником прерогатив и прав, дарованных университету законом» — определит его деятельность Дмитрий Иванович Багалей.

По предложению Потоцкого создается Нежинский лицей, открываются гимназии, училища. При нем в 1812 году в Харькове был организован Институт благородных девиц.

Вельможа и католик, он посещал хаты сельских учителей и был усердным ходатаем о лицах православного духовенства, сколько-нибудь послуживших делу народного образования.

Потоцкий был также инициатором инспекции училищ Харьковской округа. Роль инспектора блестяще исполнял профессор Тимковский. Экзаменовались не только ученики, но и учителя, указывалось, кто из них соответствовал должности. Затем учителя отправлялись в университет на несколько месяцев для прослушивания курсов, то есть — для повышения квалификации.

В частном письме к министру П. В. Завадовскому Потоцкий пишет: «Чем больше познаю я эту страну, тем сильнее убеждаюсь я, что она весьма различествует от других стран... надлежит употребить различные способы... необходимо изыскивать все средства, чтобы приохотить, чтобы убедить воспользоваться ими (благотворными средствами ведущими к просвещению); это... заставляет меня посещать эту страну сколь возможно чаще» [1, с. 904].

Русский биографический словарь отмечает, что Потоцкий всегда особенное участие принимал в делах поляков, в 1818 году впервые в истории российских университетов в Харьковском открывается кафедра польского языка [10].

По словам современников, в 1820 году он вместе со своими единомышленниками задумывал основать общество освобождения крестьян.

Потоцкий образованным человеком, мог читать все, что появлялось в печати на всех европейских языках.

И. Данилович в письме к известному польскому историку, профессору Виленского университета Й. Лелевелю (1786–1861) напишет: «...по мнению всех моих коллег, он считается единственным куратором, который знал, каким и только каким должен быть университет» [17, с. 162].

В 1810 году Северин Потоцкий избран Почетным доктором Харьковского университета.

В 1817 году он оставил свой пост, так как был не согласен с политикой в области просвещения, которую проводил новый министр образования князь А. Н. Голицын.

За его заслуги перед университетом и просвещением в округе, Александр I разрешил Потоцкому носить мундир Харьковского университета.

Последние годы Потоцкий жил в Украине, основал Севериновку.

Нет в Харькове ни улицы, ни переулочка Потоцкого, нет мемориальной доски первому попечителю, доктору наук, академику, почетному члену Харьковского университета, человеку, стремившемуся, чтобы университет и образование в округе были европейского уровня и так много для этого сделавшему.

В работе «Роль В. Н. Каразина, С. О. Потоцкого и И. О. Тимковского в первоначальном устройении Харьковского университета», профессор Багалея сожалеет о том, что накануне столетия университета сделано пока что мало, теряются документы, исчезают рукописи. «Не так давно, — пишет он, — была продана на пуды в Москве замечательная по богатству редких изданий библиотека знаменитого слависта-профессора О. М. Бодянского: тогда же исчезли его дневники...» [3]. Библиотека Бодянского была описана и ее каталог издан в Москве в 2004 году, отделом редких книг научной библиотеки Московского университета. Время все расставляет по своим местам и возвращает прошлое.

Когда готовился этот материал, просматривались старые книги, газеты, журналы автору встретилась статья, посвященная не Потоцкому, а о его соратнику, первому ректору Харьковского университета, Ивану Степановичу Рижскому, написанную Дмитрием Ивановичем Багалеем. Цитатой из этой статьи мы завершаем эту главу.

«Уважение к памяти исторических деятелей, приносивших пользу родине, характеризует степень культурности самого общества. Идеал общественной жизни заключается в том, чтобы всякое новое поколение получало полное культурное наследство от прежнего, чтобы ничто не пропадало даром и чтобы все способное к дальнейшему росту и преуспеянию, бережно сохранялось и культивировалось «детьми» для передачи их внукам». Но для этого прежде всего необходимо знать, что было прежде и как из этого прежнего выросло настоящее; только зная связь этого настоящего с прошлым, можно сознательно относиться к тому и другому, отделяя в своем сознании хорошее от дурного. В этом смысле каждый из нас является до известной степени историком...» [2, с. 315].

## Литература

1. Багалій Д. І. Вибрані праці: Т. 3. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам): Ч. 1. (1802–1815). — Х., 2004. — 1150 с.
2. Багалея Д. И. Иван Степанович Рижский, профессор и первый ректор Харьковского университета // Сб. ХИФО. — 1911. — Т. 20. — С. 315–337.

3. Багалей Д. И. Роль В. Н. Каразина, С. О. Потоцкого и И. О. Тимковского в первоначальном устройении Харьковского университета // Сб. ХИФО.—1911.— Т. 20.— С. 305–314.
4. Багалей Д. И. История города Харькова за 250 лет его существования (1655–1905): Т. 1. XVII–XVIII века / Д. И. Багалей, Д. П. Миллер.— Х., 1993.— 568 с.
5. Государственный архив Харьковской области. Ф. 3. Оп. 10. Д. 105, 112.
6. Долгоруков П. Графы и дворяне Потоцкие // Долгоруков П. Российская Родословная книга.— СПб., 1856.— Ч. 3.— С. 224–236.
7. Зайцев Б. П. Попечители Харьковского учебного округа / Б. П. Зайцев, С. И. Посохов.— Х., 2000.— 124 с.
8. Зайцев Б. Попечитель / Б. Зайцев, С. Посохов // Ключок правды.— 2004.— 11–17 дек. (№ 50(82)).— С. А16.
9. Михальченко В. А. Да будет правда / В. А. Михальченко, О. Г. Сивирин.— Одесса, 2005.— 328 с.
10. Петров А. Потоцкий, граф Северин Осипович / А. Петров, В. Строев // Рус. биогр. словарь.— СПб., 1905.— Т. 14.— С. 699–704.
11. Потоцкий С. О благодетельной цели преобразования в России училищ и пользе, которую оно несет с собой: Пер. лат. // Речи, говоренные в торжественном собрании 17 января 1805 г. при открытии Императорского Харьковского университета.— Х., 1806.— С. 10–16.
12. Потоцкий Северин Осипович // Исторические автографы выдающихся деятелей, хранящиеся в Государственном архиве Харьковской области.— Х., 2005.— Вып. 1.— С. 49–51.
13. Роммель Крістоф-Дітріх. Спогади про моє життя та мій час / Пер. з нім.: В. Маслійчук, Н. Оніщенко.— Х.: Майдан, 2001.— 236 с.
14. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: Т. 1. Царствование Александра I (1802–1825).— СПб., 1864.— 1643 с.
15. Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению // Харьковский сборник.— Х., 1889.— Вып. 3.— С. 112–160.
16. Чарторыйский Адам. Мемуары.— М., 1998.— 304 с.
17. Яновський Людовік. Харківський університет на початку свого існування (1805–1820) / Пер. з польськ. О. Журавльвої.— Х., 2004.— 508 с.
18. Dunin-Borkowski Jerzy Hr. Almanach Blekitny: Genealogie żyjących rodów polskich: T. 2.— Lwow, S. a.— 1127 s.
19. Niesiecki K. Herbarz Polski: T. 7.— Lipsk: Haertel, 1841.— 588 S.

Ниже приводятся речи графа Северина Потоцкого на латинском и русском языках (репринтное воспроизведение: см. Речи, говоренные в торжественном собрании 17 января 1805 г. при открытии Императорского Харьковского университета.— Х., 1806.— С. 10–16.

De  
Nova per Imperram Rossicum constitutione  
scholarunij indeque oriundo fractu.

Si unquam solemnitas exstiterit, quae turn intellectum, ob magnum illum, quem intendit finem, admiratione adficiat, turn vero animum summa profundat voluptate, quod dulci futurorum bonorum spe eum demulceat; talis haud dubie est ea, quam nobis hac die celebrare licet, die, qua singularis CLEMENTISSIMI IMPERATORIS, de bono Imperii Sui unice solliciti, benignitas mirifice elucescit. Magnus ille PETRUS, cuius gloria nulla unquam extinguetur temporis diuturnitate, quamvis reportata de hostibus toties victoria redactisque multis sub ditionem suam Provinciis insignis, nihil se memoria dignum fecisse putabat, nisi scientia populum ad omnem formaret humanitatem, atque studio bonarum artium ita omnium animos incitaret, ut pro viribus ad eum contendant humanitatis gradum, quo ipsis totius propemodum Europae nationes, multis saeculis, quid ni dicam? antecessere. In medio rerum suarum curriculo, inque frequenti atque tam multiplici cursu, quo spatium a mari Caspio ad Balticum usque toties relegat, firma ille manu prima luminis semina iccit, quae olim tam uberem fructum erant latura. Coepti huius vastissimi Haeres, haud minor PETRO CATHARINA, per omne gloriosissimi Regni tempus, magnum illud consilium prae oculis perpetuo habebat, et eam ob rem pluribus in locis exercitia aperuit litteraria, quae licet initio, uti res humanae omnes, debilitate laborarent, fructum tamen nec unum, nec vulgarem habuere. Petropoli ac Moscoviae monumenta posuit, aere perennia, ac insignem Eius munificentiam memoriae omnium saeculorum traditura. Vestigiis Augustissimorum Antecessorum fidelissime insistens, ALEXANDER PRIMUS, placida hac ab armis quiete, qua Divina et Eius provida cura fruimur, eo omne studium omnemque cogitationem convertit, ut universas administrandi Imperii partes in meliorem statum redigeret. Qui igitur potuisset oblivisci publicae institutionis, quae forte et utilitate et gravitate reliqua omnia antecellit: utpote qua vere homines formantur atque ad obeunda reipublicae munera effinguntur. At gloriolae illius haud appetens, quam Reges plerique ab aula ac exteris aucupantur, qui regias dumtaxat urbes ferme adeunt; subditorum omnium absque discrimine pater, ille paternum illud inivit consilium, ne ullus subditorum ordo aequali beneficiorum parte careret. Ille minimis et, ut dici amat, Parochialibus scholis animos addit, quantum potest maximos; ille circulo oppidis scholas, urbibus ubi sedes Gubernii est, Gymnasia dedit, in quibus juvenis primis litterarum atque optimarum artium elementis imbuatur, linguis celebriorum nationum instruat, atque ad probitatem morum ita formetur, ut omne appetat honestum. Ut vero etiam illi, qui se ad graviora reipublicae munera distinarunt, omnesque, qui gloriae stimulis excitati altiora petunt, quantum libet, operae in bonis litteris collocare possint; toto Imperio in circulos dispersito, in unoquoque eorum Universitatem litterarum esse voluit, haud absimilem eis, quae Oxoniae, Cantabrigiae florent, in quibus procerum Britanniae filii erudiuntur, ad salutem patriae in sacrario illo libertatis, cui nomen Parlamenti, fortissime defendendam; aut instar Gottingensis, Jenensis, Hallensis, aliarumque, ad quas neque Electores, neque alii Imperii Germanici Principes filios suos mittere unquam dubitarunt. Erit sane, ut in tam vasto Imperio a Lituania ad Siberiam, ab urbe Archangel ultra Caucasi montes usque protenso, nuspiam invenias civem, cui omnino deesset occasio minimis expensis, negotio minimo, animum expoliendi suum, uti et eam, qua in Imperio gaudet, dignitatem decet, et per fortunam eius ingeniumque licet.

Fastum fugiens omnesque inutiles sumtus, mire e converso munificus, ut primum de bono agitur publico, beneficentissimus noster IMPERATOR hanc in rem ingentem illam semialterum millionem rubellorum excedentem summam annue vovit, summam utique enormem atque cuius exemplum uspiam terrarum nequicquam quaesieris. Ac vovit eam quidem lubentissime, ut subditis procuret beneficium bonae educationis, beneficium momenti maximi, quippe quae reddit alium hominem superiorem alio, suppeditans illi copiam, maiorem prae aliis praestandi utilitatem civitati, Patriae.

Igitur quaero ex vobis, Auditores, utrum IPSE in culpa erit, utrum IPSE summo rerum humanarum Moderatori posterisque rationes redditurus est, si infelices (absit omen verbo) obices atque impedimenta offenderet, quae obstarent, quo minus consilia, tanta cum sapientia benignitateque concepta, ad finem perducerentur?

At non coram vobis, Auditores venerandi, opus est veritatem hanc pluribus persequi: non coram vobis, qui boni publici studio ducti, munus liberale ultro obtulistis, quo zelum vestrum in promovendis Patriae emolumentis affatim testabamini. Atque iam praemia horum habetis in solemnibus hoc, quod conspiciatis, documento: habebitis etiam, dum proles sub oculis vestris hic erudiri videritis; dum videritis, urbem hanc sensim efflorescere ita, ut non modo pluribus Imperii antecedit, verum cum celebrioribus Europae de fama contendat.

Quae species rerum se offert ei, qui magnas, quas gens humana subit vicissitudines, intensiori contemplatur oculo? Musae sedes figunt in regione hactenus non nisi devastationum praeliorumque teste. Quid dicerent Pericles, quid Platones, si viderent erigi Philosophiae Academiam, omnibus eorum multis numeris praecellentem, erigi in terra Anacharseos illius barbari, terra olim caligine offusa, ac dein cruore viginti populorum, qui eam alter alteri disputarunt, imbuta; quam maiores vestri, Auditores Honoratissimi, fortissima occuparunt manu? Illi equidem non nisi belli exercitia novere; at vel propter ea ipsae iam scientiae evasere necessariae. Etenim fuere iam illa tempora, quibus unica dumtaxat viri singularis fortitudo, unicus exercitii militaris usus suffecit, ultimis militiae gradibus utique sufficiens. Talia nunc adsunt, quibus nemo Mathematicarum disciplinarum, seu fundamenti novae artis tacticae historiaeque celeberrimorum omnis aevi belli ducum ignarus, ad eam rerum summam eluctabitur, ut a natura ad decidendam mortalium sortem destinatus esse videatur. Historia temporis novissimi haec, quae profero, satis superque testatur.

Itaque in veloci hoc rapidissimoque ingenii humani cursu quid aliud superest omnibus nationibus, nisi universis industriae nervis eniti, ut aliis aut palmam scientiarum e manibus eripiant, aut eos saltem presso pede insequantur? Non dicam hic de Turcarum olim metuendo Imperio, de quo, licet haud diminuta eius pristina vastitate, actum est: quod exemplis aliorum, qui circum ipsos florent, populorum uti neglexerint. Non dicam de illis Europae Occidentalis nationibus, qui patrum memoria magnis inclurere facinoribus, quarumque ditiones in quatuor mundi plagas etiam nunc protenduntur. Arbitrantur haec, patres suos cuncta peregissee, seque facere satis, si in eo rerum gradu persistentes, ultra limites saeculi decimi septimi, quo maxime floruerant, nequaquam progrediantur. Illarum nulla inter Europae civitates ratio habetur. Dicam tamen, haud licere ulli populo otio ignaviter marcescere, depositaque gloriae cupiditate in eo humanitatis loco permanere, quem maiores occuparunt: gressum enim vero nunc sistere, est regredi aeternaque obrui oblivione. Et quamvis forte in occupandis bello terris quies haec nequaquam sit damnosa, (victoriis quippe tum iustitia, tum ipsa prudentia politica tandem finem imponere potest,) sed perniciosa semper est in scien-

tiis, artibus liberalibus, mercatura, re navali et rustica, brevi, in omnibus, quae tendunt et ad plenum ex datis a natura donis fructum percipiendum, et ad firmandam, si non supra alia, Imperii unius eminentiam saltem eius aequalitatem, Felicem, terque felicem Rossiam! quae ipso incolarum suorum ingenio ad res magnas incitatur, et quam series optimorum Principum a saeculo inde ferme non interrupta ad summum gloriae fastigium ducit.

At ne in tanto, quem inexhausta haec materia mihi subministrat, excurrendi campo, patientia vestra abutar, ad finem propero, meque ad vos converto, qui vocati estis, ut prima huius Universitatis semina iaciatis, e qua veluti e centro effluat lux institutionis publicae per terram tam late diffusam, tantoque hominum numero repletam, ut non uni formando regno sufficeret. Quo pensum nostrum magis arduum est, eo plus est enitendum, ut id conficere queamus.

Utinam studium, quod in promerenda civium fiducia collocabimus, utinam cura, qua paternae eorum sollicitudini satisfacere satagemus, qui fidei nostrae dulcissima concrediti sunt pignora; utinam summa ea, quam adhibebimus, constantia in exquirendis omnibus mediis, quibus nos utiles reddere possimus, utinam haec omnia fidem facere possint, nos haudquaquam esse indignos spe illa, quam SAPIENTISSIMUS IMPERATOR, dum nos eligeret, de nobis concepit, haud indignos, qui efficiant, ut solennitatis huius memoriam posteritas pia recolat mente.

C. S. Pototsky.